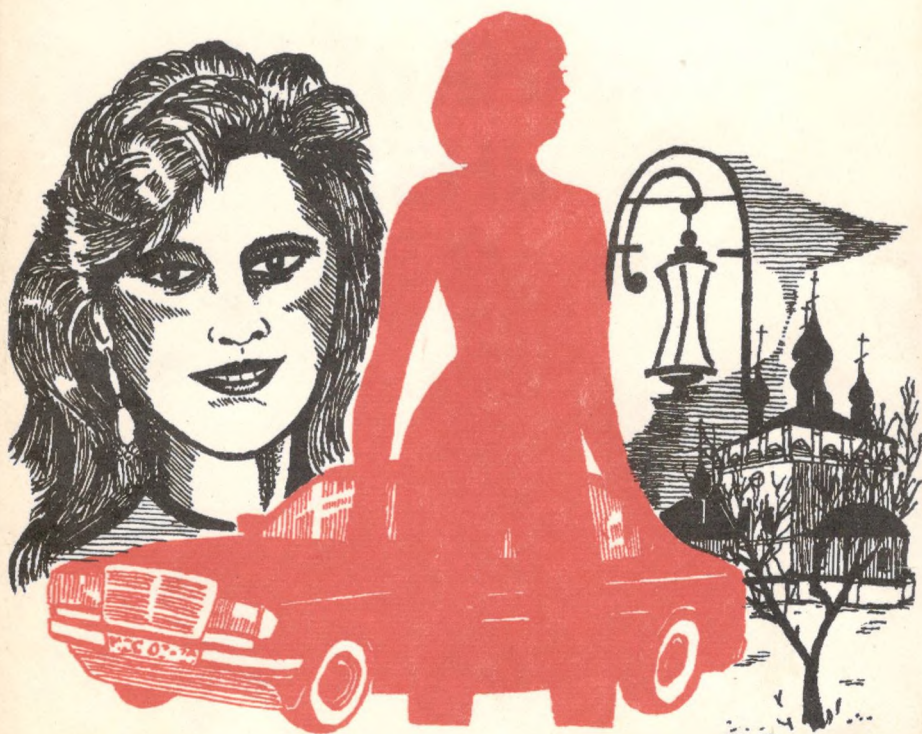

P2 9p
Г65

ОЛЕГ ГОНОЗОВ

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

РАССКАЗЫ

ОЛЕГ ГОНОЗОВ

ТАТЬЯНИН
ДЕНЬ

от автора

РАССКАЗЫ

Олег Гонзов

31.03.2016.

Ярославль

«БОЖЬЯ КОРОВКА»

1996

Муниципальное учреждение культуры

«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

Гонозов О. С.

Татьянин день: рассказы. — Ярославль: Народное издательство «Божья коровка», 1996 — 56 с.

Собранные под одной обложкой рассказы Олега Гонозова ранее публиковались на страницах газет «Золотое кольцо», «Очарованный странник», «Ника» и других. Впервые они выходят к читателю без сокращений и купюр.

ТАКИЕ ДЕЛА

Холодный, пропахший бензином и, как ни странно, полукопченой колбасой, автобус вырулил на обочину.

— Кто там у поворота на Бабье? — крикнул шофер. — Приехали!

Передняя дверца сложилась гармошкой, и Вадим Белов в одиночестве вышел наружу. «Пазик» заскрежестал коробкой передач, плавно тронулся и скрылся за поворотом.

В декабре рано темнеет. И Вадиму крепко повезло — он успел на последний рейсовый автобус. Если бы поезд шел с опозданием, то наверняка пришлось бы нанимать левака или ночевать у подруг, с которыми тоже лучше договариваться заранее.

Вадим проверил в заколотом булавкой нагрудном кармане деньги. Новенькие, аж хрустят...

В столицу он ездил сдавать приватизационные чеки, которые две недели скупал возле районной сберкассы по три тысячи за ваучер. Московские перекупщики давали за них по пять «штук».

Дорогу в первопрестольную Вадим освоил еще весной, когда возил туда коробки с индийскими презервативами «Ракшак». Приметил как-то, что в коммерческих ларьках на Калининском проспекте ими торгуют по сорок рублей за упаковку, а в райцентре они пылятся никому не нужные по три пятьдесят.

Потом сошелся с ребятами, работающими на табачной фабрике, которые обеспечивали его дешевой «Стрелой». С пачки наваривалось по два рубля. Деньги текли рекой. Легкие деньги, которые приходилось складывать в полиэтиленовые пакеты и рассчитывать чуть ли не на вес. Раньше говорили: «Куй железо, пока Горбачев», теперь: «Делай дельце — покуда Ельцин».

Все лето Вадим, как челнок, сновал между областным и районным центрами то с сигаретами, то с жевательной резинкой, то с шоколадными батончиками «Сникерс». Теперь вот переключился на приватизационные чеки. С ними

легче всего, положил в карман и поехал куда надо. Без сумок, без рюкзаков, налегке.

Скопив приличную сумму, Вадим стал задумываться о покупке квартиры в городе. Дело нехитрое — отыскать какого-нибудь алкаша, подать с ним заявление в бюро по приватизации жилья и поить до тех пор, пока не оформит договор купли-продажи.

В Бабьем о бизнесе Вадима мало кто догадывался. Все почему-то считали, что он учится в кооперативном техникуме. Однажды он брякнул кому-то, что работает бизнесменом широкого профиля, с этого все и пошло. Поверили люди.

А как не поверить? Одет с иголочки. Хоть и у многих сейчас кожаные курточки, а таких, как отхватил Вадим в Лужниках, в их райцентре по пальцам пересчитаешь. Шуз, а порусски говоря зимние полусапожки немецкого производства, он купил прошлым летом опять же в столичном «комке», по нынешним ценам считай бесплатно, а им износу нет. Штаны «супер райфл» сами за себя говорят. Свитер турецкий — глаз не оторвешь. Носки и те из-за бугра. Сплошной импорт. Только лисья шапка отечественная да душа, если таковая есть, под иноземными клепками и лейблами русская.

К концу ноября завернули дикие холода. Морозить стало с Федотова дня: «Федота Студита». Как в Бабьем говорят: на Студита стужа, что ни день, то хуже. И уж совсем ошалел мороз в день Платона и Романа. Бабка Маня все приметы знает, говорит, что Платон да Роман покажут зиму нам. Показали.

Поспешал Вадим. Поскрипывал под его ногами снег. И словно на дореволюционной фотокарточке все отчетливее проступали очертания вырастающей как бы из-под земли колокольни Введенской церкви.

С незапамятных времен храм использовался под совхозную конюшню, затем тут был склад минеральных удобрений, а в начале этого года по настоятельной просьбе местных бабушек церковь передали верующим, прислали батюшку — отца Никодима. Теперь бывшие комсомолки-безбожницы, едва передвигая ногами, ходят по окрестным деревням, собирая деньги на восстановление Божьего дома, замаливают грехи боевой юности.

К Беловым тоже с кружкой приходили, бабка Маня из своей нищенской колхозной пенсии выделила восемьдесят рублей. Мать дала пятьдесят. А Вадим отвалил аж целую тысячу. И опять про него по селу слухи пошли, что сорит младший Белов деньгами. И батюшка, седовласый, седобородый отец Никодим, с ним кланяться стал, о здоровье

бабки Мани интересоваться. Не повезло ему с приходом: от старух один бздех в церкви, а венчаться да креститься некому. И холодрыга несусветная. Зуб на зуб не попадает. Заходил Вадим в церковь на Покров день: как был склад с облупившимися стенами, так и остался.

На богоугодное дело Вадиму денег не жалко. Придут снова с кружкой — он и три тысячи отвалит, чтобы склад в церковь преобразить. Еще пацаном лазал он по ветхим деревянным ступенькам на самый верхний ярус колокольни и оттуда, с пятнадцатиметровой высоты, смотрел на притаившееся у подножья село. Было ли что тогда заманчивее и рискованнее, чем эти вылазки? То-то и оно.

Потом, конечно, было. Но Введенская церковь опять же не осталась в стороне. Именно в ее стенах он прятался с приезжавшими на уборку картофеля старшекурсницами педагогического училища. Здесь под осуждающие взгляды святых они пили сбивающий с ног самогон, курили и баловались сексом, устанавливая своеобразные рекорды. Об этих рекордах свидетельствовали выцарапанные гвоздем настенные надписи: «Вадим + Света = любовь». А рядом нарисованное сердце с тремя пронзающими его стрелами. Или «В. Б. + О. Л.» Без слов любви, но с сердцем, пронзенным семью стрелами. Из-за вот этих семи стрел Вадиму пришлось тогда два месяца ездить в кожно-венерологический диспансер. Разве забудешь такое?

Знакомый запах коровника, невнятное посапывание сытых животных и негромкое позвякивание крепежных цепей вернули Вадима к действительности. Бабье всегда начиналось с животноводческой фермы. Затем шел длинный забор тракторного стана с запорошенными снегом комбайнами и плугами на все случаи жизни.

Несколько в стороне беременной барышней стояла водонапорная башня. Дальше — отделение связи, недавно построенное кирпичное здание сельмага, по-старинке именуемое лабазом. Первым жилым домом на посадe шел скобоченный, словно присевший, пятистенки Никитиных. Потом дом Бугаевых — красавец с резными наличниками, кружевом всевозможных узоров мезонина и палисадником перед окнами. Сказка, да и только. У Воробьевых обычная щитовая изба. Разъехались Воробы по городам, одна подслеповатая бабка Лиза осталась.

Сельсовет. Когда-то торжественно-строгое сооружение, где под звуки Гимна Советского Союза Вадиму вручали серпастый, молоткастый паспорт, а теперь оно кажется неприглядной кирпичной коробкой. В окнах темно. И лишь обледенелый российский флаг, замерзшая трехцветная тряп-

ка, болтается на древке. «Надо бы как-нибудь зайти, поинтересоваться насчет приватизации земельного участка, — подумал Вадим. — Земля лишней не будет, а запас карман не тянет!»

Возле клуба он чуть было не столкнулся нос к носу с заведующей Ангелиной Капитоновной Усовой. Та посмотрела на него сквозь очки и, признав бывшего одноклассника, со свойственной ей приказной интонацией, приобретенной еще во времена комсомольской работы, резко окрикнула:

— Белов, ты, что ли? А я думаю, что за супермен? Привет!

— Привет!

— Ты ведь мне нужен.

Вадим не помнил такого случая, когда он был бы ей не нужен.

— Приходи в клуб завтра.

— Это еще зачем?

— Увидишь, — Гелька, как всегда, была деловой и сразу же посмотрела на часы. — Начало в четыре!

— Приду. Рукавицы с собой брать?

— Зачем?

— Чтобы ладони не отбить, твоим талантам аплодируя...

— Да ладно тебе зубоскалить, — засмеялась Гелька и, покачивая бедрами, пошла прочь.

Вадим почувствовал, что от холода щиплет уши. Хоть мороз невелик, да стоять не велит. В крыльцо влетел, не чувствуя рук и ног.

Дверь открыла сестра Наташка. «Растет сеструха, — отметил он, — еще вчера вкладыши от жвачек собирала, и вот тебе на: второкурсница».

— Кто там? — подала с лежанки голос бабка Маня.

— Я, ба! — Вадим прошел в свою комнату, деловито осмотрелся, все ли на месте, и плюхнулся на диван.

— Мамка где?

— Известно где — в сельмаге. Говорят, сахар завезли, октябрьские талоны будут отоваривать. С утра очередь.

Наташка не уходила. И по ее выжидающему взгляду Вадим почувствовал, что неспроста она трется у дверей. Что-то ей надо.

— Двухкассетники, как у меня, не знаешь почем на рынке?

— А тебе зачем? Продать, что ли, хочешь? Дешевле не купишь все равно...

— Деньги нужны. Девчонки лосины за полторы тысячи предлагают, а у меня ни копейки.

— Так бы и дышала, что деньги треба. Полтора куска я тебе дам, — Вадим вынул из кармана пачку тысячерублевок.

Наташка была рада расцеловать брата. Одна у него сестренка. Так пусть будет не хуже других.

Когда сестра вышла, Вадим сунул руку за обои под окном, вынул старинный серебряный портсигар, где держал баксы, разложил зелененькие на поверхности стола, с удовольствием разглядывая портреты американских президентов.

Пополнив портсигар, Вадим защелкнул его и спрятал в тайник. Пусть лежит до черного дня.

Мать пришла, когда Вадима уже сморил сон и он ткнулся головой в подушку.

— Опять песку не хватило, — ругалась она. — В прошлый раз водки не досталось, теперь песку, будь он проклят. Все из-за конторских, пришли всем кагалом и ладно бы только себе брали, а ведь на всю родню. И слова им не скажи... Вадька, что ли, приехал?

За ужином бабка Маня опять читала Вадиму морали и предлагала выучиться на тракториста, а Наташе стать ветеринаром. Потом, устав хлебать беззубым ртом кашу, ни с того ни с сего спросила:

— Вадька, тебе повестку-то еще не прислали?

У Вадима ёкнуло сердце. Вдруг из налоговой инспекции или хуже того — из райвоенкомата? Заберут на переподготовку, и не пикнешь.

— Из парикмахерской, — бабке понравился его испуг, — отрастил космы-то, словно денег на подстрижку нет... Я дам рубль-то!

— А семьдесят пять не хочешь? — засмеялся Вадим.

— Семьдесят пять? — не поверила бабка. — Это с двадцати-то пяти копеек так вздуть цены! Царица небесная матушка.

— Инфляция, ба.

Мать делилась с Вадимом своими заботами:

— Совхоз в товарищество преобразуется, всем имущественные и земельные пай будут наделять. Ой, боюсь я всего этого, неровен час обманут...

— Семьдесят лет обманывали, — встревала Наташка. — Подумаешь, еще раз надуют.

— Вот и шла бы на ферму, раз такая умная, — обижалась мать. — Одна учиться уехала, другой от земли оторвался. Нехорошо это. Городские и то в фермеры лезут, ссуды на строительство берут...

Вадим никак не мог уснуть. В голове прокручивались малозначительные детали недавних встреч, всплывали чьи-то

номера телефонов, обрывки разговоров. Он ворочался с боку на бок, пробовал читать Чейза, но даже любимый писатель не помогал. Вдруг совершенно не к месту вспомнилась могила отца, и Вадим убедил себя, что завтра надо сходить на кладбище, расчистить сугробы, привести в порядок ограду.

Отец погиб, когда Вадиму было пятнадцать, а Наташке — семь.

Разгулявшимся ночью ветром оборвало провода, и бабка Маня, выгонявшая утром корову, заметила неладное, сказала отцу. Глянь, Миша, что за провода под окнами болтаются, не случилось бы беды! Ведь корове немного надо: шаркнется о провод — и поминай как звали. Отец как был в брюках и босой, так напрямик на улицу выскочил. А надо бы сначала на подстанцию сходить, рубильник выключить. Вместо этого он решил набросить нулевой провод на фазный, сделать короткое замыкание, чтобы предохранительную вставку вышибло. Да в спешке перепутал провода, схватился за фазный — тут его и скрутило...

Десять лет уж прошло, а все как сейчас видится Вадиму. И желтое лицо в гробу, и венки из прокламелиновых цветов, и разинутая пасть могилы. Хотели поставить памятник, да бабка Маня настояла — водрузили крест, очередное изделие совхозного сварщика, спившегося мужика по имени Петр Гаврилович, которого за глаза звали Змей Горынович...

Чтобы отвлечься от скорбных мыслей, Вадим включил «видик» и с безразличием смотрел на то, как темпераментные мальчишки из группы «На-На», изображая оргию, пели свою знаменитую «Фаину». Следом шла Алена Апина, потом Наташа Королева... Глаза у Вадима стали слипаться, и ему в который раз уже приснился собственный коммерческий ларек. Чего в нем только не было: «Сникерсы», «Марсы», «Баунти», пиво в банках, водка «Смирнофф», сигареты...

Утром Вадим взял в сенях деревянную лопату, сунул в карман четвертинку и отправился на кладбище. Сыпал снежок. И, вслушиваясь в утреннюю тишину, можно было подумать, что жизнь остановилась, умерла. И тут он услышал чей-то громкий окрик:

— Вадька! Белуха! Да подожди ты!

Вадим оглянулся.

— Ору, ору ему, а он знай чешет! — Отдышавшись подошел Коля-маленький, бывший одноклассник с неблагозвучной фамилией Плешивцев. В их классе был и Коля-большой, и Соня Криворучка, и Надя Зеленая Лошадь — деревня щедра на прозвища, редко кого оно обходило.

Серая вылинявшая шапка съехала Коле на затылок,

из-под распахнутой фуфайки выглядывала поросшая рыжими волосами грудь — привык всю жизнь нараспашку ходить. Лицо небритое, в пожелтевших зубах папироска.

— Здорово!

— Привет!

— Ты чего, в самом деле не слышал, как я тебе ору? Деловое предложение. Купи у меня этот... Ну, как его называют, что в сберкассе выдали?

— Ваучер, что ли?

— Ага. Похмелиться надо, а моя дура все спрятала до Нового года, — Коля-маленький достал из кармана приватизационный чек. — На две бутылки дашь — и то ладно.

Вадим вынул бумажник.

— На две, говоришь?

— Можно и на три... Одну на опохмелку оставляю...

— А потом проспишься, снова просить придется?

— Не приду, Михалыч, честное слово!

— Тогда держи за свой ваучер три тысячи и делай с ними что хочешь. Больше, к сожалению, дать не могу.

Вадим отсчитал деньги. Не любил он связываться с односельчанами. И дел-то на копейку, а шума на миллион. Но от Коли-маленького так просто не отвяжешься.

Вот и кладбище. От искрящегося снега слепило глаза. Но прежде чем подойти к могиле отца, Вадим прошелся меж памятников своих ровесников.

Юрка Никитин погиб в Афгане, прибыл в Бабье в цинковом гробу. Серега Бузжак разбился по пьяному делу на мотоцикле. Поехал к невесте и врезался в КамАЗ. Валерка Воробьев принял какой-то погани. Оставил двух сынишек сиротами. Мишка Бугаев, здоровяк, каких поискать в округе, вступился за девушку и получил нож под ребро. Умер на операционном столе. Игорь Волков утонул. Володя Синицын удавился... Видать, и впрямь переведутся в Бабьем мужики. Да и бабы самогон гонят и пьют.. Спивается Бабье.

Вот и Вадим осушил на могиле отца четвертинку, заел свалевшимся в кармане батончиком «Марса», закурил. Хорошо стало. Потом он болтался по селу, навестил магазин, механическую мастерскую, потрепался с мужиками, а к четырем часам отправился в клуб.

Афиша сообщала о проведении вечера отдыха «От всей души». От всей или не от всей, а народу в клубе собралось немало. Сезон огородников прошел, «Богатые тоже плачут» отплакали благополучно, и народ заскучал.

Гелька в нарядном сарафане и расписном кокошнике на правах гостеприимной хозяйки встречала приехавшее из

райцентра начальство. Вадим занял место в последнем ряду и без особого энтузиазма наблюдал за развитием событий. Вначале выступило фольклорное трио «Рябинушка». Потом под аплодисменты на сцену вытащили доярку Клавдию Воробьеву, награжденную орденом Трудового Красного Знамени, и поздравили с днем рождения.

Настоятель Введенской церкви отец Никодим поделился ходом восстановительных работ и, пользуясь случаем, призвал молодежь чаще бывать в храме. После батюшки выступил детский танцевальный дуэт «Надежда». И только было Вадим собрался пойти на улицу перекурить, как Гелька Усова добралась и до него:

— Прежде чем объявить следующий номер, я попрошу подняться на сцену присутствующего в зале Вадима Михайловича Белова.

Не чувствуя своих ног, Вадим вышел.

— Много лет назад, еще в средней школе, Вадим Белов занимался в ансамбле ложкарей и был лауреатом районного смотра художественной самодеятельности. Есть в нашем клубе и сегодня такой же ансамбль. Так пусть ложкари разных поколений встретятся в честном поединке на нашей сцене. Поприветствуем их!

Пацаны в красных косоворотках, подпоясанных белыми кушаками, полезли в голенища сапог за ложками. И застучали. Наблюдая за ними, Вадим пытался если уж не повторить замысловатые коленца, то хотя бы вспомнить элементарные движения. Публика гремела аплодисментами. Но вот все стихли, и считай все Бабе уставилось на Вадима. Он неуклюже взял ложки и попробовал что-то изобразить, но ничего путного не получилось. Раздались смешки, кто-то свистнул в два пальца. И Вадим покинул сцену, сбежал на улицу и от досады напился.

А утром ни свет ни заря в окно постучали. Явился Коля-маленький, продрогший, с испарянным лицом:

— Извини, что разбудил. Баба меня за этот... Ну, сам знаешь, что тебе продал, из дому выгоняет. Чтобы принес, говорит, китайцы, мол, за них в Хабаровском крае по сто тыщ дают. Продешевил! Ты уж прости. Я и деньги принес назад, правда, тут двести девяноста двух рублей не хватает, но я отдам...

Вадим машинально сходил домой за приватизационным чеком, не считая, забрал деньги и сразу же после ухода Коли-маленького стал собираться в райцентр. Первый автобус шел в семь часов, и надо было еще успеть добежать до остановки...

КОЖАНАЯ КУРТОЧКА

Легкие мохнатые снежинки, словно маленькие парашютики, приземлялись на Лидино пальто, цеплялись за шерсть вязаной шапочки, врезались в выбивающиеся из-под шапочки волосы, прилипали к ресницам и скользили по щекам, оставляя на лице холодные следы.

Город встретил Лиду небывалым снегопадом, вокзальной суетой и, как ни странно, предчувствием какой-то беды. Невыспавшаяся, да еще и неумытая — в вагоне поезда не было воды, во власти подхватившего ее потока людей, она шла к станции метрополитена. В одной руке большой дорожный чемодан, в другой — огромная хозяйственная сумка да еще сетка с чесноком. Мать загрузила Лиду так, словно та ехала не в гости к старшей сестре, а торговать на рынок.

«Вареньица вот возьми, — наваливала она, — огурчиков солененьких баночку, домашние-то не чета покупным, капуста с клюковкой. В этом году она у нас уродилась как никогда, сама знаешь: какова еда да питье, таково и житье. Ну а репчатого лучку да чесночку сам Бог велел взять. Не зря говорят, что лук семь недугов лечит, а чеснок семь недугов изводит. Бери. Своя ноша не тяжела».

И она взяла. Столько, сколько вошло в сумку. И вот теперь эту сумку было не сдвинуть с места. Лида привалилась спиной к мраморной колонне и отрешенно смотрела на проходящих мимо людей. В подземке она ориентировалась плохо и уже второй раз пришла в одно и то же место. Зря все-таки она не послала сестре телеграмму. Сюрприз захотела сделать. Сделала.

— Извините, вы не подскажете, как добраться до улицы Шкулева?

— Шкулева? — и на лице сразу удивление. — Не знаю, не слышала такой. Может быть, где-нибудь в другом районе...

— Вы не подскажете, где улица Шкулева?

— Спроси, дочка, что-нибудь попроще. Сам приезжий.

— Девушка, вы не знаете?..

Не знает. Спешит. Даже не остановилась. А еще говорят, что язык до Киева доведет.

Улицу Шкулева Лида все же нашла, но на это ушел весь день. Для полной невезухи не хватало лишь того, чтобы сестры не оказалось дома, но на звонок дверь открылась. Ирина — в белой искусственной шубке, подпоясанной узеньким ремешком, и песцовой шапке собиралась куда-то идти. Москвичка. Фотомодель с обложки журнала.

— Лида?! Ну ты даешь, сестренка! Неужели нельзя было прислать телеграмму? Да входи же ты, раздевайся. А что это у тебя в сумке? Тяжесть какая, словно кирпичей наложили!

— Это огурчики, помидорчики, грибочки... Для тебя старалась.

— О, Господи! Мама, как всегда, в своем репертуаре, словно мы тут голодные сидим. Что? Еще и сетка чесноку? Ну, это уже полный отпад!

— Чеснок да редька — на животе крепко, — подражая матери, пошутила Лида и, шагнув в большую комнату, сразу же почувствовала себя лишней. На полу лежал огромный кофейного цвета монгольский ковер метра три на четыре, каких Лиде еще видеть не приходилось. Дома у них, правда, тоже был ковер, но не такой красочный, и он висел на стене. А этот лежал на полу. Не знаешь, как ступить.

— Как же ты нас нашла? — не переставала удивляться Ирина. — Ну хоть бы с вокзала позвонила. Андрей все утро был дома, подъехали бы на машине и забрали тебя с твоими сумками. Даже не верится, что ты в Москве. Надо Андрею позвонить...

Андрей — Иринин муж. Они вместе учились в институте. Отличник. Краснодипломник. Сейчас, по слухам, директор какого-то совместного предприятия. Папа у него работает в Министерстве иностранных дел, мама — кандидат наук, преподает в вузе. Коренные москвичи, живут где-то на Новом Арбате.

А Лида живет в деревне Сосновицы Пестряковского сельсовета Краснооктябрьского района. Слышали такую? Вот то-то и оно. Чтобы добраться туда из Москвы, надо сначала ехать на поезде, потом часа два трястись на рейсовом «пазике», а уж от Щербининского поверка ловить попутку или топать пешком. Шестнадцать километров. Как вспомнишь — так вздрогнешь.

Андрей не заставил себя долго ждать. Высокий, подтянутый, в шикарном импортном пуховике нараспашку, он внес с собой в квартиру запах морозной улицы и только

что покинутых им «Жигулей». Темные очки, рыжая щетинка усов, обаятельная улыбка.

— Здравсте...

— Здравствуй, здравствуй, — с порога заговорил он, — И кто же это нам картину Репина «Не ждали» решил устроить? Неужели Лидия свет Васильевна?

Андрей снял очки.

— Она самая. — Лидя стойко выдержала его взгляд.

— Молодец. Приехала в самый раз. Кстати, купальник у тебя с собой? Неужели забыла? — насторожился Андрей. — А ведь мы тебе посылали телеграмму, чтобы обязательно приезжала с купальником... Ладно, подберем тебе Иринин. Ведь уже завтра первый отборочный тур. Запись претенденток с девяти утра, но лучше подойти к восьми...

— Какой отборочный тур, какая запись? — не понимала Лидя.

— Как, разве ты не по нашей телеграмме приехала?

— Нет. Я сама по себе... Решила посмотреть, как сестра обустроилась.

— А я думал, ты по нашей телеграмме, — Андрей поскущел. — Мы же тебе телеграфировали: приезжай срочно для участия в конкурсе красоты! Ну и почта у вас...

— Хватит тебе ребенка разыгрывать, — вмешалась Ирина.

Андрей был в своем репертуаре. Шутник. Весельчак. Баловень судьбы.

— Ладно, Лидя, ты только не обижайся на меня. Пошутил дядя насчет конкурса. Ты чего приехала-то?

— За кожаной курточкой. В Лужниках, говорят, их полно. И стоят недорого.

— А сколько по-твоему недорого?

— Тысяч сто...

— А я и не знал, что ты в своей Березовке рэкетом занимаешься, — снова поддел Андрей.

— Сосновицах, а не Березовке. Пора бы запомнить, — с той же интонацией заметила Лидя. — И не рэкетом, а стриптизом.

Ей не хотелось рассказывать о том, как для того, чтобы отец дал ей деньги на курточку, ей пришлось весной вскопать шесть соток земли, засадить их картошкой, прополоть, два раза подсыпать, а осенью собрать урожай и отвезти на заготбазу. На селе деньги легкими не бывают. Это не «Сникерсами», в коммерческой палатке торговать. Но кому какое дело?

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

54205-26

Ночью Лиде не спалось. Пожелание Андрея: «Уснешь на новом месте — приснится жених невесте» не оправдалось. Как маленький ребенок, она ворочалась с боку на бок, лежала с открытыми глазами на спине и, размышляя о предстоящей покупке, смотрела в потолок. Проснулась она часов в одиннадцать утра.

— Ну ты и спать, — удивилась Ирина. — Ладно, поднимайся, умывайся, завтракай — все остыло уже. Какие планы на сегодня?

— Никаких. Разве поболтаюсь по городу.

— Поаккуратнее ходи. Народ в Москве ушлый: и карман вырезать могут, и деньги отобрать, и вообще что угодно. На вот, надень!

— Что это?

— Кольцо. Это мне Андрей еще к свадьбе покупал. Обручальное. Надень на палец правой руки, чтобы мужики не приставали.

— Вот еще... Потеряю.

— Не потеряешь.

С доверчивостью впервые попавшего в столицу человека Лида шла по заснеженным улицам Москвы, останавливалась возле коммерческих киосков, рассматривала витрины фирменных магазинов, читала развешенные в людных местах объявления, где кто-то хотел снять квартиру, кто-то предлагал репетиторство для поступления в вуз, снимал сглаз. Интереснее всего было читать объявления о развлечениях. «Очаровательные девушки фирмы «Андрей» помогут вам приятно отдохнуть». И номер телефона. «Фирма Ку-лю-лю му-лю-лю» украсит ваш отдых незаурядными девушками от 170 см. Цены самые низкие. Наши «ку-лю-люшечки» всегда готовы выехать по вашему звонку». Два телефона. «Для состоятельных дам все виды массажа, куннилинг, эскорт-услуги. Для состоятельных мужчин — массаж и сауна. Фирма «Нурлан».

Сегодняшняя Москва была уже совсем не той, что Лиде запомнилась с детства, когда после приема в пионеры их возили на экскурсию в Мавзолей Ленина. Тогда были рубиновые звезды Кремля, щедрый ГУМ, удивительная Третьяковка. Теперь: спующие по проспектам «Мерседесы», богатые коммерческие магазины и нищие, просящие в подземных переходах милостыню, бомжи на вокзалах. И все же большая часть населения была ни среди богатых, ни среди бедных — этим и жила.

И Лида тоже жила. Она знала, что, купив себе кожаную курточку, на оставшиеся деньги позволит себе еще и не-

сколько маленьких радостей. Возьмет шоколадный батончик «Марс», который поможет ей сохранить заряд энергии на весь оставшийся день, и жевательную резинку «Стиморол» с неповторимым устойчивым вкусом, и непромокаемые тампоны «Тампекс», и еще много чего такого, что в Сосновицах можно увидеть только по телевизору.

В одном из подземных переходов Лиду привлекло скопление народа, который окружил высокого некрасивого кавказца.

— Игры доброй воли, — коверкая русские слова объяснял он. — За сто рублей на кон один жетон. Потом кубик бросаю — выигрыш объявляю. Расчет на месте, как фата на невесте.

Нераспроданные жетоны — пластмассовые кружочки — лежали поверх картонной коробки из-под импортных сигарет. Но, увы, никто покупать их не спешил. Наконец бандитского вида парень в защитного цвета куртке — такими, наверное, и бывают настоящие рэкетиры — положил на ящик четыре сторублевки, сгреб оставшиеся жетоны, и игра началась. Кавказец бросил кубики. В сумме они показывали одиннадцать очков.

— Выигрыш выпал на жетон с цифрой одиннадцать. Смотрим, у кого на руках счастливый жетон!

— У меня! — гаркнул «рэкети́р», как про себя назвала его Лида.

— Сто рублей мне как организатору игры, — отложил одну купюру кавказец, — а девятьсот отдаю победителю. Поздравляю вас с выигрышем. Делаем ставки, господа! Расчет на месте! Проиграл так проиграл, а выиграл — не украл. Что, девушка, смотришь, может, ставку сделать хочешь? За сто рублей даю девятьсот — воспоминаний целый год!

Лида играть не собиралась, но и не уходила, ждала очередного победителя, а победительницей на этот раз стала хрупкая девушка в кроличьей шубке. Получив выигрыш, она тут же взяла еще четыре жетона, за пять жетонов заплатил «рэкети́р», а один жетон так и оставался лежать невостребованным на коробке.

— Кто еще хочет испытать судьбу в играх доброй воли? — присматриваясь к окружающим, не спрашивал, а выпытывал кавказец. Его колющий взгляд словно гипнотизировал Лиду. — Ну что, девушка, подходи ближе. Так и быть поставлю за тебя столик сам. Нельзя, чтобы такой красивый девушка стояла в стороне. Бери жетон!

— Бери, бери, — подмигнула Лиде девушка в шубке.

И Лида взяла. В конце концов ничего страшного не произошло. Бесплатно, что не сыграть?

Кавказец бросил кубики. Лида даже не успела увидеть, сколько на них очков, как он сгреб их в ладонь и объявил результат:

— Победил жетон с номером сем!

Лида посмотрела на пластмассовый кружочек в своей руке, и сердце у нее забило: там была семерка.

— У кого выигрыш?

— У меня, — подала голос Лида, протягивая жетон.

— Поздравляю.

Лида взяла деньги, зачем-то пересчитала их и сто рублей возвратила парню.

— Это ваши.

И тут девушка в шубке протянула кавказцу свой жетон:

— У меня тоже семерка!

— Не может быть, — насупился кавказец. — Так и есть. Извиняюсь, но раз так получилось — повышаю ставку до пяти тысяч. Девушка, давайте назад восемьсот рублей. На кону пять тысяч восемьсот рублей. Их забирает тот, кто из выигравших сделает наибольшую ставку.

Лида увидела, как девушка в шубке полезла в сумочку, и неожиданно для себя тоже достала кошелек с деньгами. Подсознательно она рассчитывала, что девушка опередит ее, но та почему-то медлила, видимо, слишком мало у нее было денег. Лида подала кавказцу тысячу.

— Ставка сделана! Тысяча рублей раз! Тысяча рублей два.., — уже передавая все собранные на кону деньги Лиде, кавказец произнес: Тысяча рублей...

Но «три» он сказать не успел. Девушка в шубке подала три купюры по тысяче.

— Три тысячи против одной тысячи, — констатировал он, обращаясь больше к окружающим, чем к участницам поединка. Лида уже хотела выйти из толпы, но «рэкетиры», каким-то чудом оказавшийся рядом, подтолкнул ее:

— Ты чего скисла? Дай пятитысячную! Выигрыш твой!

И Лида вынула пять тысяч.

Девушка в шубке, казалось, была готова расплакаться. Рыженькая, остроносенькая, она затравленно смотрела на Лиду из-под хлюпающих ресниц и безнадежно рыскала в сумочке. На нее было жалко смотреть. И вдруг она протянула кавказцу купюру в десять тысяч. У Лиды застучало в висках, и, не помня себя, она вынула из кошелька пятнадцать тысяч.

— Хорошо! Хорошо! — старался переорать всех организатор игры. — Пятнадцать тысяч. Ваше слово, голубоглазая.

Москвичка была готова провалиться сквозь землю, она бессмысленно таращила глаза на окружающих, шарила по карманам, словно там могли завалиться деньги. И вдруг, удивляясь сама себе, вытащила целую упаковку двухсоток. У Лиды похолодело на сердце. Но кавказец ловко сорвал с денег упаковочную бумагу и потряс ими, словно лотерейными билетами.

— Двадцать тысяч раз...

Лиду затрясло. Вот уж влипла так влипла. Ей было жалко и уже поставленных на кон денег, и особенно тех, которые она собиралась поставить. Но выбора не было, и она вынула пятидесятитысячную купюру.

Толпа одобрительно загудела, а пробравшаяся к Лиде пожилая женщина, уцепив ее за рукав, попыталась оттащить в сторону:

— Дура! Ты что уши-то развесила! Ведь без рубля останешься...

— А ну-ка вали отсюда, мамаша, — рывкнул на нее один из парней. — Без тебя разберутся.

— О'кей! — рассматривая купюру на подлинность, хмыкнул носом кавказец. — Вы ставите все пятьдесят тысяч или хотите получить сдачу.

— Ставлю тридцать! — выдохнула Лида.

— Тогда держите, — он передал ей пачку двухсоток.

Вместо того чтобы растеряться, соперница Лиды вдруг как-то хищно улыбнулась и тоже подала пятидесятитысячную купюру.

— А я даю пятьдесят!

«Печатает, что ли, она их?» — удивилась Лида неожиданному обороту дела и вдруг почувствовала, как внутри у нее что-то словно оборвалось. Так бывает, когда сердце уходит в пятки. Сдвинуться с места она уже не могла.

— Дави ее! — советовал Лиде «рэкетир», — Видишь, уже выдыхается. Ставь все, что есть — и банк твой...

— К ногтю ее!

— Риск — благородное дело!

Окружающие, видимо, сочувствуя, были на ее стороне. И Лиде не оставалось ничего другого, как снова лезть в кошелек, где уже почти не оставалось крупных купюр.

— Десять, пятнадцать, двадцать тысяч, — считала она. — Вот все, что есть: тридцать две тысячи.

— У тебя еще двухсотки в кармане, — подсказал кто-то из толпы.

— Ах, да. Значит, пятьдесят две тысячи.

Москвичка тоже демонстративно покопалась в кошельке и вытащила из него семьдесят тысяч.

— Ваше слово, девушка. Или вы добиваете восемнадцать тысяч и мы проводим повторный розыгрыш, или вы выбираете из игры.

— Ни копейки, что ли, больше нет? — подсуетился «рэкетир». — Давай кольцо в залог, добыю за тебя восемнадцать тысяч!

Лида безучастно сняла кольцо, передала его парню.

— Я ставлю за нее восемнадцать тысяч! И бросай кубики! Хватит людям голову морочить.

— Все. Вы, девушка, и вы, девушка, сейчас получите по пять жетонов, — объяснял кавказец. — Я бросаю кубики, и та, у которой окажется выигрышный жетон, забирает все.

— А поделить деньги нельзя? — спросила Лида.

— Зачем делить, да?

Словно игральные карты, он перетасовал жетоны и поделил их на две равные стопки. Затем подбросил кубики и объявил:

— Шесть...

— У меня, — захлопала в ладоши кроличья шубка, схватила деньги и тотчас растворилась в толпе.

— Не везет — так не везет, — заглянув в Лидины жетоны, подвел черту «рэкетир». — Ты сама-то откуда будешь?

— Не все ли равно. — Лида искала глазами кроличью шубку, все еще рассчитывая уговорить ее поделить деньги, но та словно сквозь землю провалилась. Лида спустилась по эскалатору в метро, походила по станции и с ужасом осознала, что же все-таки произошло. Как легко ее обвели вокруг пальца, как легко она купилась на бесплатный жетон. Ведь и кавказец, и «рэкетир», и девушка в кроличьей шубке наверняка действовали сообща и сейчас где-нибудь пьют за ее здоровье на ее денежки.

Темнело. Подмороженный к вечеру снег скользил под ногами. Петляя по незнакомым улицам, Лида вышла на широкий, в ярких огнях фонарей, Волгоградский проспект. Ноги не хотели идти. Они были, словно деревянные. И зачем только она приехала в эту Москву. Курточку захотела купить. Вот и купила.

Что теперь она скажет Ирине с Андреем? А дома что

скажет, как объяснит случившееся? Нет. Ни домой, ни к Ирине она без денег не вернется. Лучше попасть под троллейбус или замерзнуть, чем идти к сестре без кольца. И тут ей вспомнились объявления о развлечениях и приеме девушек на высокооплачиваемую работу.

Деваться было некуда, она разыскала стенд, возле которого была утроем, посривала несколько телефонных номеров. Сначала она позвонила в фирму «Ку-лю-лю му-лю-лю». Уж больно интересное у нее было название, но номер был постоянно занят. Следующей была фирма «Нурлан». Она тоже приглашала девушек без комплексов и водителей с легковыми автомашинами, но, как выяснилось, с иногородними девушками без московской прописки там дело иметь не желали. Оставалась фирма «Андрей». Лида набрала номер.

— Алле!

— Слушаем вас! — ответили на другом конце провода.

— Я по объявлению о приеме на работу.

— Вы москвичка?

— Нет. Я приехала к сестре и хотела бы немного подработать?

— Сколько вам лет? — голос Лидиной собеседницы был убаюкивающе-нежным, обнадеживающим.

— Мне? Восемнадцать, — соврала Лида, добавив себе один лишний год. — Дело в том, что мне очень нужны деньги...

— Голубушка, сегодня всем, кто к нам обращается, очень нужны деньги, — в трубке замолчали. — Давай договоримся о встрече. Завтра тебя устроит?

— Мне бы хотелось уже сегодня приступить к работе... В трубке опять замолчали.

— Ну так что? Или вам не нужны девушки без комплексов? Тогда зачем развешивать объявления?

— Паспорт-то хоть у тебя с собой?

— С собой.

— Тогда приезжай, поговорим на месте, — собеседница назвала адрес. К счастью, это было поблизости. На улице Юных ленинцев.

Фирма располагалась в обычном жилом доме. Лида еще перепроверила: не спутала ли она чего. Обычный подъезд. Лифт. Квартиры. Лида нажала кнопку звонка.

— Кто там? — спросил уже знакомый женский голос.

— Это я, что звонила по телефону.

Дверь отворилась сначала на цепочку, а потом полно-

стью, и перед Лидой предстала симпатичная женщина средних лет.

— Проходи, — она оценивающе осмотрела Лиду с головы до ног и с ног до головы, показала на кресло. — Садись. Венерическими заболеваниями не болела?

— Нет.

— Все вы не болели, — она поправила прическу. — Из дома, что ли, выгнали?

— Нет, — ответила Лида. — Деньги проиграла...

— Час от часу не легче. Давай паспорт!

Лида подала.

— Так. Значит, Лидия Васильевна Каширина. Очень хорошо. Меня зовут Надежда Никифоровна, можно и просто — Надя. Прописка есть? Ага. Пестряковский сельсовет Краснооктябрьского района. О, Господи...

Зазвонил телефон.

— Ну ладно. Паспорт я забираю, а ты пока сиди здесь, обживайся. Придумаем, что с тобой делать.

Она ушла к телефону, сняла трубку.

— Слушаем вас, — голос у Нади, когда она говорила по телефону становился каким-то интимным, успокаивающим. — Семен Валентинович? Очень приятно вас слышать. Спасибо. Все хорошо. Даст Бог... А кого бы вы хотели? Натали? Что, не понравилась... Лентяйка? Ай-яй-яй. Сделаем замечание. Тогда Оленьку? Нашу красавицу Ольгу Сергеевну? Вот и ладушки. В 22 часа Ольга Сергеевна будет у вас. Только в связи с инфляцией, Семен Валентинович, вынуждены вас огорчить, мы опять поднимаем цены. И теперь один час наслаждений обойдется... Вы уже знаете! Тогда молчу. Приятных вам развлечений...

Положив трубку, Надя выругалась и сразу же стала набирать другой номер.

— Ольга? Подъем! Опять твой мудила звонил. Как не знаешь, какой? Согласна, что они все мудилы. Семен Валентинович Филонов. Он самый. Короче, будь на взводе. Да плевать тебе на его рожу. Платил бы деньги. А деньги он платит хорошие... Я сейчас Паше позвоню.

И снова закрутился телефонный диск.

— Павлик, добрый вечер. Съездишь за Ольгой Лакшиной и к 22 доставишь ее по адресу. Запиши! — Надя продиктовала адрес. — Да зачем тебе Виктор? Тут дело чистое, без всяких разборок, клиент проверенный. Что как в прошлый раз? Да никаких армян там не будет! Живет себе приличный дядечка, кстати, работает на Старой площади. Никаких «вдруг»... Привезешь Ольгу, получишь деньги и

сиди отдыхай в машине, слушай музыку. Солдат спит — служба идет. Договорились? Тип-топ.

В комнате, где пребывала Лида, стоял полумрак. На стенах были развешены плакаты с обнаженными девушками, приклеены пустые пачки из-под импортных сигарет, в «стенке» стояло бесчисленное множество бутылок из-под вина, тоже заграничных, книги, хрусталь. У окна — цветной телевизор. Софа. Обычная квартира. Фирма «Андрей». Полупритон. Гори все синим пламенем!

Снова зазвонил телефон.

— Слушаем вас, — в целях конспирации Надя никогда не представлялась первой. — Что вы желаете? Хорошо. Скажите ваш адрес и номер телефона. Как нет телефона? Откуда же вы звоните? С Ярославского вокзала? Тогда извините, вы ошиблись номером, — Надя положила трубку. — Напьются и валяют дурака, бомжатники проклятые.

Раздался еще один настойчивый звонок, теперь уже в дверь.

— Иду, иду. Кто там? Олег? — Надя открыла дверь. — Господи, да ты весь в крови. Что случилось-то?

— Я же говорил, что там наркота, — раздался громкий мужской голос. — Баб им подавай! Маринка как увидела эту братию — сразу в слезы: «Не пойду!» Светка хоть и посмелее, а тоже за мой рукав ухватилась. А что я? Подставлять их буду, что ли. «Гоните бабки!», — говорю этим соплякам. А те отвечают: «Потом, сначала хотим товар посмотреть». Никаких потом. И на выход. Вот тут и началось. Хорошо еще Серегу с собой взял, он ведь любит в машине дремать. А тут тоже вспомнил, что когда-то в спецназе служил, короче, отделали их что надо. Девчонок мы домой развезли. А теперь надо гостей ждать.

— Я Андрею позвоню.

— Я уже звонил.

— Господи, да что же это такое, — запричитала Надя. — Да они сожгут меня теперь.

— Не сожгут. Временно перейдем работать на другой адрес, на другой телефон. Ты словно ничего не знаешь. Мало ли, бывают ошибки, не так соединили по телефону. Короче, не менжуйся. А это кто тут у тебя?

— Да так, одна. Подработать хочет.

В тепле Лида задремала. Ей снились ее Сосновицы, далекие, заснеженные, с церковью над рекой, и сани, застеленные соломой, на которых она с отцом ехала до автобусной остановки. И ей казалось, что она снова едет в

Москву, с чемоданом, с банками. И тут она услышала голос Андрея:

— Лида!

Ну конечно, это был он. Импортный пуховик, темные очки, щетинка усов.

— А ты как здесь оказалась?

Все тайное когда-нибудь становится явным. Вместо совместного предприятия Андрей возглавлял сутенерскую фирму. Правда, Лида обещала никому об этом не рассказывать и он тоже ничего об ее приключениях не говорить. Кожаную курточку он ей купил на свои деньги. И от греха подальше в тот же день отправил домой.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

В половине третьего ночи, как гром среди января, раздался телефонный звонок. Аппарат у меня старый, басистый, словно сирена подъемного крана — от его звука мертвый и тот поднимется. А я только прилег, только погрузился в сон.

Звонила Марина Ивановна Елифанова — редактор художественного отдела местного издательства, молодящаяся сорокалетняя женщина, как большинство пишущей братии — нервная, с осипшим от курения голосом. Когда-то в далекой юности она сочиняла стихи, печаталась в женских журналах, подражала Цветаевой, подчеркивая в кулуарных беседах, что с Мариной Ивановной у нее много общего. А общим было только имя и отчество. Остаток жизни она добивала в художественном отделе.

— Владимир, это ты? — спросила она.

— А кто же еще?

— Чем занимаешься? Спишь?

— Спал...

После того как из-за моей жизненной непрактичности от меня ушла жена, Елифанова частенько названивала мне по ночам. А познакомились мы с ней в тот самый момент, когда я сдал в издательство рукопись рассказов и Елифанову назначили редактором. И вот уже четвертый год мы пробиваем мою книгу в редакционный план, но ничего не получается: то нужно срочно издать стихи какого-нибудь юбиляра, то дефицит с бумагой, то пожар в типографии.

Не везет мне с выходом книги. А Елифановой не везет в жизни. Так она говорит. Муж алкоголик, хронический, со стажем. Одиннадцатилетний сын с явными признаками олигофрении. Свекровь — зануда, квартира — сырая, коммунальная, на окраине города, зарплата — маленькая. Единственная отрада — чтение западных бестселлеров, которыми теперь завалены все прилавки книжных магазинов, да наши телефонные беседы.

На покупку дорогих книг, которые читает Елифанова, у меня, естественно, не хватает финансов. Но я от этого

не страдаю — редакторша чуть не захлеб пересказывает по ночам мне их содержание.

— Ты только послушай, Владимиров, что пишет Эммануэль Арсан, — будит меня мой худред в начале месяца и долго нудит в телефонной трубке. — Как тебе нравится этот капреализм? А ведь задевает, черт возьми...

Затем я слушаю «Историю О» Полины Реаж, а к концу месяца знакомлюсь с творчеством Ксавьеры Холландер.

— Ты знаешь, чем отличается временный импотент от постоянного?

— Откуда?

— Так вот: постоянный импотент любит смотреть, как девушки выполняют групповые сцены и лесбийские номера... Какая верная деталь, какая открытость! Владимиров, ты меня слушаешь?

— Разумеется. Только вот приходится верить на слово...

— Читай «Мадам», страница 167. Если очень хочешь, то я тебе завтра принесу эту книгу в издательство.

Я верил. Я соглашался. Я слушал. Я терпел. Я даже как-то пытался прокомментировать услышанное. А что мне еще оставалось? Жил я одинокой холостяцкой жизнью с ежемесячными походами в прачечную, горой немойтой посуды в мойке, вечной зимой в холодильнике, дешевыми обедами в столовой и бесконечным занятием денег у знакомых и соседей по дому. Самое ужасное заключалось в том, что у меня не было постоянного места работы, на полставки я вел литературный кружок во Дворце пионеров, внештатно сотрудничал с несколькими городскими газетами, где получал скудные гонорары за рецензии на театральные премьеры и обзоры культурной жизни района. На те деньги, что мне иной раз выплачивали, можно было купить бельевую веревку и удавиться. Но я умудрялся еще сэкономить на сто граммов водки, к которой постепенно пристрастился от однообразной серости жизни.

В самых патовых ситуациях приходилось, конечно, менять перо на орало. Я доставал из стенного шкафа смазанные дегтем кирзовые сапоги, брезентовую ветровку и вместе с ханыгами-пропойцами шел разгружать вагоны на торгово-овощную базу. Деньги там выплачивали в конце рабочего дня. Так что в этом был резон.

Остальное время я творил, что называется «писал в стол», потому что мои рассказы о спившемся пианисте-сантехнике, почерневшей от горя матери погибшего «афганца», полубредовом происшествии в городском морге в издатель-

стве называли «чернухой» и заворачивали назад, а я их складывал в стол.

Жизнь текла медленно и тяжело, будто по камням. Началась непутево и тянулась долгим дождливым днем, переходящим в глухую ночь. Я жил как бы в двух измерениях: в одном реально переставлял по тротуару ноги, с кем-то здоровался, жевал холодный уличный пирожок, а в другом, который, казалось, оторван от меня, идущего по улице с пирожком, терзался над смыслом человеческого бытия, и был сосредоточен на чем-то высшем, чего еще не понял. Человеческими поступками движет жадность, зависть и лень. Мною двигала лень. Я как бы плыл по течению, не очень-то сопротивляясь поворотам судьбы. И своей связи с Епифановой не придавал значения.

Да и внешность у нее была не приведи Господи. Одно слово: писательница, вернее, поэт — как она сама себя называла после второй стопки водки. Низкорослая, ширококозая, с короткими ногами. Пышка. Я вряд ли когда-нибудь обратил бы на нее внимание, если бы она не работала худредом.

И в то же время Епифанова была очень страстной женщиной. Прямо сексуальная маньячка. Кроме чтения выдержек из покупаемых ею полупорнографических изданий, наполненных садомазохизмом, лесбиянством и прочими прелестями интимной жизни, в последнее время она пыталась практиковать со мной телефонный секс. Я не сопротивлялся. В конце концов телефонный секс — вещь незаразная, но если мне это начинало надоедать, я нелепо шутил и, может быть, не к месту допускал пошловатые остроты. Например, после того как Епифанова в своем ворковании доходила до того, что оставляла меня в одних плавках, распираемый неуместным смехом, я с издевкой спрашивал:

— А ты все еще в пальто?

— Владимир, ты невыносимый...

Епифанова бросала трубку и не звонила по несколько недель. Но потом все возвращалось на круги своя. Обсуждение прочитанных ею книг, короткие реплики о моей рукописи и секстелефон.

— Владимир, ты знаешь, что такое «листок розы». А «флорентина»? Тогда я тебя просвещу...

Я уже знал, что «золотые рыбки» — это когда обнаженных партнеров связывают и кладут вместе, чтобы они занимались любовью без помощи рук. Знал, что такое «куннилинг», «постильонаж» и «саксонус». А как-то Епифанова предложила мне «булочку с маслом».

— Булочку с маслом я бы съел, — предчувствуя подвох, ответил я. У меня, как всегда, не было даже корки хлеба, не то что булки с маслом...

— Какой же ты, Владимиров, серый. «Булочкой с маслом» парижане называют женщину, которая недавно имела половое сношение с другим партнером. Но это вызывает у ее кавалера неожиданное возбуждение...

— Так это у них, в Париже. У меня это кроме чувства голода ничего особенно не вызывает...

Вот и на этот раз, разбуженный полуночным звонком, я ждал начала санпросветработы по моему половому воспитанию, но Епифанова молчала. Я слышал, как на кухне каплет из крана вода. И тут она произнесла:

— Владимиров, ты еще не уснул?

— Уснул! — вспыхнул я и хотел уже было утопить рычажок телефонного аппарата. — Спокойной ночи!

— Да не злись ты. У меня чайник вскипел...

— Я тоже сейчас вскиплю: разбудила среди ночи да еще издевается. Ну, что у тебя?

— Успокойся! Скоро я тебе не по телефону, а на деле продемонстрирую, что такое «игры со связыванием»...

— А «булочку с маслом» ты мне не собираешься продемонстрировать?

— Владимиров, оставь свой солдатский юмор. Мне от работы дали двухдневную экскурсионную путевку на двоих.

— Словно и дело, — злился я. — Стоило звонить мне в третьем часу ночи, чтобы об этом сообщить. Я за тебя рад.

— Ты хоть выслушай сначала, а потом и радуйся.

— И так все ясно. Поздравляю!

— Так вот, мне выделили бесплатную путевку в древний, .. — она назвала город. — На двоих. И я подумала, а что если нам прошвырнуться туда вместе. Супруг мой, как известно, в ЛТП. Чадо я к матери отвезу. А мы с тобой, Владимиров, проветримся, а заодно и о твоей рукописи поговорим. Главный проговорился, что с тобой надо кончать.

— Как это кончать? — не выдержал я. — В прямом смысле, что ли?

— Короче: или давать «зеленый» на утверждение в издательском плане, или заворачивать назад. Так что есть о чем поговорить...

— Но ведь вместе с тобой поедет все издательство, — проигрывал я предложенный вариант. В конце концов чем черт не шутит. От Епифановой зависит многое, и если ей

отказать, то уж точно завернут рукопись назад. Да и в городе том, древнем, я уже давненько не был, а тут все же новые впечатления, может быть, даже напишу что-нибудь для газеты. — Пойдут разговоры...

— Не бойся. Поедем от издательства только ты да я. Остальные все чужие, из какой-то ПМК.

— Уговорила, — подвел я черту. — Будь по-твоему.

Утро в день поездки кричало трамвайными перезвонами и скрежетом снегоуборочных машин. Стоял легкий морозец, сыпал снежок, и город казался засыпанным ватой. Возле назначенного места собирались экскурсанты, среди которых я сразу узнал разодетую в искусственную шубу и норковую шапку Епифанову.

— Привет, Владимиров, — обрадовалась она. — А я боялась: вдруг не придешь. А ты ничего, смотришься: все бабы в твою сторону повернулись. Писатель!

— Я между прочим не Владимиров, а Епифанов, — поправил я, — слесарь-сантехник горжилуправления, там, кажется, твой муж работает. Надо соблюдать конспирацию.

— Я и забыла, что ты теперь Епифанов. Твой паспорт у меня в сумочке. А где же тогда Владимиров? — острила она. — Опять какую-нибудь «чернуху» сочиняет...

Подкатил ярко-красный «Икарус», и вся толпа, давась и толкаясь, кинулась занимать места в его теплом мягком нутре. Экскурсовод, худосочная картавая женщина, взяла в руки микрофон и, не обращая внимания на воцарившийся вскоре храп, добросовестно отработывала свою ставку. Не теряла времени и моя соседка, листавшая взятую с собой в дорогу книгу по сексу. До меня долетали обрывки вычитываемых, словно заучиваемых ею, терминов:

— «Негрессё» — это поза, когда партнерша становится на пол на колени... Ясно. «Карецца» — половой акт, при котором партнер обходится без эякуляции... Владимиров, ты можешь обходиться без эякуляции?..

— А что это такое? — спохватывался я.

— Да пошел ты! Не мешай... «Помпуар». Слова-то какие все красивые... «Помпуар»! После него муж не променяет свою партнершу даже на самую красивую королеву...

Я дремал. Солнце пригрело мне лицо, а сливающиеся воедино голоса экскурсовода и Епифановой убаюкивали так, что я даже не заметил, как «Икарус» влетел в старинный русский город, где что ни улица, то церковь, что ни переулок — купеческий особняк в стиле провинциального классицизма.

Как только автобус подкатил к белокаменному монастырю, мы вышли на улицу и отправились на экскурсию по городу. Потом были музей и обед в шикарной трапезной. Еще одна экскурсия, как водится, по местам боевой и революционной славы. Ужин. И нас стали расселять по монастырским кельям — трех- и четырехместным номерам гостиничного типа. Семейным давали трехместки.

— Вы у нас сегодня — единственная группа, — объясняла приветливая дежурная по этажу. — Больше вряд ли кто приедет. Правда, Клин должен был прислать группу, но уже поздно. Значит, сняли. А может быть, автобус сломался в дороге. Короче, если приедут, то придется вас поужать, подселить в трехместные номера еще по человечку.

— Понятно! — ответили каменщики и штукатуры из передвижной механизированной колонны и поспешили в свои кельи продолжать веселье, начатое в трапезной за ужином, где спиртное лилось рекой.

Чтобы не комплексовать перед Епифановой, я зашел в мужской туалет и прямо из горлышка выпил прихваченную в баре поллитру водки. Стало полегче.

Епифанова тем временем уже раскладывала постель, но, уловив алкогольный запах, не оборачиваясь, пристыдила меня, как пацана:

— Писатель называется. И не стыдно тебе, Владимиров? Как мой Федька стал. Запомни: пьянка в одиночку — первый признак хронического алкоголика. Значит, готов, говоришь?

— Всегда готов! — по-пионерски отрапортовал я, снимая ботинки.

Деревянная кровать с вычурными бомбошками на спинках закрипела, потому как горячая и жадная до любви Епифанова навалилась на меня всеми своими шестьюдесятью килограммами. Ее губы вобрали мои губы, и я закрыл глаза.

— Да не спи ты! — злилась она, оторвавшись от моих начавших деревенеть губ. — Помнишь, я тебе рассказывала про связывание? Хейвлок Эллис писал, что любое сдерживание мышечной активности способствует обострению сексуального возбуждения. Сейчас проверим. Дай-ка твой галстук.

— Возьми на кресле.

— А теперь давай руку!

Я нехотя повиновался, чувствуя, что галстуком мою руку привязывают к стойке кровати. Другую руку партнера привязала моим же ремнем от брюк.

— Не пугайся, Владимиров! Я знаю толк в сексе.

— Валяй...

И вот тут, как всегда в самый ответственный момент, в дверь постучали. Партнерша накрыла меня с головой одеялом, накинула халат и строго спросила:

— Кто там?

— Извините, это номер 43? — раздалось за дверью.

— Сорок третий, — ответила моя извращенка. — А в чем дело?

Она щелкнула замком.

— Наша группа только что приехала из Клина, и меня направили в ваш номер, сказали, что есть свободная кровать, — голос был женским, молодым. — Можно войти?

— Входите, что с вами делать, — Епифанова сначала было растерялась, а потом, видимо, вспомнила о групповом сексе и стала приветливее. — Раздевайтесь! Будьте как дома.

— Спасибо.

Из-под одеяла мне ничего не было видно. Распятый за руки, я оказался в крайне дурацком положении, какое может допустить только полный идиот.

— Тут еще мой муж, но он в стельку пьян, — услышал я голос Епифановой. — Дрыхнет без задних ног...

— Бывает, — по шелесту одежды я понял, что ночная гостья снимает пальто. — Мужчины всегда напиваются отдельно от женщин. Из экономии. А что делать нам? Может, тоже выпьем по маленькой?

— А это мысль!

— У меня с собой есть хорошее сухое вино.

Сухое вино? Я представил, как у Епифановой отвисла челюсть и потекла слюна.

— Тогда за знакомство.

Дамы приступили к трапезе.

— Епифанова Марина Ивановна — редактор художественного отдела издательства.

— Таня. Инженер-программист Клинского НИИ.

Женщины выпили. И по отдаленному бою монастырских часов я понял, что наступила полночь.

— А вы знаете, какой день наступает? — вдруг ожилилась Епифанова.

— Воскресенье.

— Я не об этом.

— Догадалась. 25 января — Татьянин день.

— Так точно. День кротчайшей мученицы Татианы — дочери знатного римлянина, которая вместе с отцом была

обезглавлена при императоре Александре Севере. Это 225-й год...

— Какие страсти. Лучше выпьем за мой день ангела, — гостья была настроена решительно, словно собиралась напиться вдугаря. Звон стаканов доставал меня до печенки. А женщины даже и не вспоминали обо мне, болтали, смеялись, даже пробовали петь. А потом Епифанову развезло, она окосела, заговорила какую-то ерунду, прилегла на кровать и захрапела, как корова.

И тут я почувствовал, что одеяло с меня поползло вверх. Я напрягся, вглядываясь в темноту и вслушиваясь в тишину. Ко мне кто-то ложился.

— Итак, она звалась Татьяной, — произнес я, осознавая весь идиотизм создавшейся ситуации. — Не могли бы вы развязать мне руки?

— Руки? — А вы с фантазией, дядечка!

Я присмотрелся и увидел в свете пробивающейся из-за штор луны высокую фигуру гостьи и копну волос. Тело ее было молодо и страстно.

— Стараюсь. Извините, что нас не представили. Юрий Петрович Владимиров. Писатель...

— Как интересно! — она даже взвизгнула от восторга. — Писатель? И что же вы написали, если не секрет? Впервые вижу голого писателя...

И она полезла на меня верхом, как маленькая Вера из одноименного фильма. Делала она это бесцеремонно и нагло, словно мы с ней всю жизнь раньше только этим и занимались...

Развязывала меня Епифанова. Заспанная, опухшая, какая-то вся больная, словно ее головой били о стену, она хотела опохмелиться. Потом ее рвало, и она никак не могла найти сапоги. Гостьи не было (а я надеялся увидеть ее при дневном свете). И мне подумалось, что все это мне приснилось.

— А где эта, что приходила в наш номер? — спрашивала Епифанова.

— Тебя надо спросить, — отвечал я. — Напилась, как твой Федор, и все забыла.

— Лучше и не вспоминай.

В дверь постучали. Я ожидал, что войдет ночная гостья, но ввалились два сотрудника в милицейской форме и один в штатском.

— Старший оперуполномоченный уголовного розыска Скворцов, — представился тот, что был в штатском. — По показаниям горничной в вашем номере побывала ранее

судимая проститутка и воровка Петухова Татьяна Борисовна...

— Она же Зябликова Вера Сергеевна, она же Струлис Евгения Марковна, — добавил милиционер в форме.

— Проститутка? — подалась вперед Епифанова. — Воровка?

И рухнула на кровать.

— Входя в доверие к гражданам, вышеназванная гражданка предлагает им выпить, добавляет в вино клофелин и обворовывает, — пояснил офицер в форме. — Что-нибудь пропало?

— Зимние сапоги, шуба и норковая шапка.

— Фесуненко, записывай показания потерпевшей, — приказал опер. — А у вас тоже что-нибудь украли?

— У меня ничего. — Я проверил карманы брюк: не хватало трехсот рублей, остальные деньги, что вчера дала мне Епифанова, были на месте. Но я не стал говорить о пропаже. Я думал о Татьяне, которая, может быть, вовсе и не Татьяна. Я хотел написать о ней. Такого ночного происшествия в моей жизни еще не случалось.

— Гражданин Епифанов, подпишите показания, — вернул меня в реальность офицер. — Извините за беспокойство...

Через два часа вещи моей спутницы были возвращены хозяйке. Петухову-Зябликову задержали на перроне железнодорожного вокзала. Уехать из города ей не удалось, а жаль.

Меня с Епифановой доставили в горотдел внутренних дел на опознание подозреваемой. В кабинете начальника следственной части стояли три молодые женщины, одна из которых и была ночной гостьей. Я сразу узнал ее по копне рыжих волос и длинным ногам.

— Эта, — ткнула в нее Епифанова.

— Ну что, артистка, допрыгалась, — подвел черту следователь. — Узнаешь потерпевшую?

— Впервые вижу, — засмеялась девушка. Да, да, она выглядела настолько молодо, что могла сойти за студентку-старшекурсницу. — Мужчину вот, кажется, где-то видела. Это случайно не писатель Владимиров?

Мне показалось, что она даже подмигнула мне, знай, мол, наших и не забывай любовных утех. Все присутствующие в кабинете посмотрели на меня с любопытством, а опер даже открыл рот:

— Но это же гражданин Епифанов...

Пришлось «колоться» и рассказывать, кто я на самом деле.

— Ах вот оно что, — оживилась задержанная. — А я-то думаю, что он нашел в этой гримзе?

— Поосторожнее с ругательствами, — поправил опер. — Говори фамилию, имя, отчество, год рождения.

— Петухова Татьяна Борисовна, 1970-й.

Это она для меня сказала, — подумал я. — Чтобы запомнил. Да разве забудешь такое?! Татьяна... Татьянин день...

Епифанова после случившегося больше мне не звонила. А через полгода заказным письмом мне возвратили из издательства рукопись рассказов, которые я уже и не надеялся получить обратно.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ,
ГОСПОДА

В общем вагоне скорого поезда Кострома — Москва было настолько душно, что спертый, пропахший потом и человеческим газом воздух не только собирался под потолком, а, казалось, растекался по верхним полкам, забитым людьми и багажом.

За окнами вагона стояла трескучая морозная ночь, от которой наружные стекла окон покрылись узорным игольчатым рисунком, а внутри благодаря усердию пожилой проводницы стояла жара. Свободных мест не было: на нижних полках, скрючившись в три погибели, полусидели — полулежали по несколько человек, в проходе и подавно невозможно было протиснуться.

Серый стоял в тамбуре и, обжигая пальцы, докуривал последнюю сигарету, что стрельнул еще на Костромском вокзале у коренастого длинноволосого паренька. Костромич теперь дрыхнет без задних ног на второй полке крайнего купе. Сквозь дверное стекло Серому хорошо видно, как от пота на нем взмокла рубашка, а небрежно заброшенный на третью полку импортный свитер того гляди свалится на пол.

Модный свитер, турецкий. Серый знал, что на вещевом рынке узкоглазые вьетнамцы продают точно такие же по «три тыщи сесот». На парне были добротные джинсы, зимние полусапожки, которые он не снимал, видимо, полагая, что их могут спереть.

«Бизнесмен какой-нибудь или «челночник», — решил Серый, сделал последнюю затяжку и зашел в туалет. Здесь было еще поганей, чем в душном вагоне и холодном заплеванном тамбуре. От зеркала остались лишь крепежные скобы. Обгаженный унитаз был забит размокшими газетами, а на грязном полу вместо тряпки лежали замызганные женские трусы.

Серый сплюнул и зашелся в обуявшем приступе кашля. Затем с удовольствием помочился в раковину и от скуки занялся мастурбацией. «Суходрочка и онанизм укрепляют организм», — шутили на зоне. Для полноты ощущений он зажмурил глаза и представил себе чувственные губы худо-

щавой блондинки, что заметил в купе. Как не хватало ее сейчас в этом пропахшем хлоркой и мочой закутке. Наконец сладостная гримаса искажила его лицо. Он презирал себя за свой порок, но ничего поделать с собой не мог. «Дунька Кулакова» была его самой надежной и безотказной половой партнершей последних трех лет, которые он провел в колонии строгого режима «ЮН-83/9» под Угличем.

Туда он попал с открытой формой туберкулеза, а зона — профилакторий для заматеревшего зека, все равно что курорт: 650 граммов молока, 150 — мяса в день. Вынь да положи. А это уже не одна «бронбойка»: то бишь перловая каша, с которой жить будешь, но про «Дуньку Кулакову» забудешь.

Пробраться на место стоило труда. Серый почти что на ошупь шел между торчащими в проходе руками и ногами, пока не споткнулся о внушительных размеров сумку, что свалилась сверху.

Соседка по полке, где сидел Серый, — крупная, широкозадая баба костромской породы, пользуясь его отсутствием, развалилась так, что ее вытянутые ноги мешали ему привалиться спиной к стене.

«В «столыпинском» вагоне и то просторнее», — подумал Серый, устраиваясь в ногах у широкозадой, но не о каком удобстве уже говорить не приходилось. Блондинка в узких джинсах и «вареной» курточке, что лежала напротив, была намного тоньше соседки, и он хотел пересест к ней, но решил пока обождать.

Ему доставляло удовольствие разглядывать девушку, уж больно она была похожа на одну заветную подружку: те же чувственные губы, то же скуластенькое личико, та же стройность фигурки. Интересно, как ее зовут? Хотя не все ли равно. Последнее время к женскому полу он относился с пренебрежением и других слов, кроме как «бикса», «вставка» и «соска» по отношению к ним не употреблял.

Лагерная жизнь за девять ходок на зону превратила его в циника, и к первой юношеской наколке «КЛЕН», что означало: клянусь любить ее навеки — вскоре добавилась другая: «ГУСИ» — где увижу, сразу изнасилую! Он рано стал колотиться, еще на малолетке украсил плечо голубем и зарешеченным окном, что подразумевало: «люби свободу» и «здесь прошла моя юность», за что схлопотал десять суток дисциплинарного изолятора.

Теперь, раздеваясь в тюремной бане, Серый гордился своими татуировками, выполненными лучшими кольщиками зоны. Зеки, знающие смысл наколок, сразу понимали, с

кем имеют дело. Как особые приметы хранились описания его натальной живописи в картотеке уголовного розыска: на левом плече — погон подполковника, на груди — мадонна с ребенком, на животе — старинный замок, на спине — церковь с девятью куполами...

Серый любовался девушкой и грыз и без того обкусанный уродливый ноготь. Он всегда, когда задумывался, грыз ногти, отчего у него их почти уже не было. Как там в песне-то поется?

Кто же познакомил, крошка, нас с тобой?
Кто нам преподнес печаль-разлуку?
Кто на наше счастье и покой, о Боже мой,
Поднял окровавленную руку?..

Серому хотелось погладить девушку по ноге. Давно он не видел таких хорошеньких, те, что по телевизору в колонии, — не в счет. Он протянул к ней руку, но смог прикоснуться только к стоявшим на полу сапогам. Натуральная кожа, внутри белый мех, аккуратненькие, не стоптанные, больших денег стоят.

Мысль о деньгах вернула его к вагонной действительности. И зачем ему шумная морозная столица, если можно сойти на ближайшей станции, взять у привокзальных ларешников пузырь водки и забыться. Но, чтобы купить пузырь, нужно что-то продать. Что? В кармане у него только выкидной нож да двести рублей денег: разве на них загуляешь?

Серый почувствовал накатывающееся на него остервенение и безразличие, как на зоне перед «японским танго», когда зеки с завязанными глазами дерутся на ножах.

Поезд тормозил. За окнами мелькали яркие огни большой станции. Серый встал, прислушался к затихающему перестуку колес и, чтобы проверить обстановку, поспешил в сторону нерабочего тамбура.

Город познакомил, крошка, нас с тобой.
Лагерь преподнес печаль-разлуку,
А прокурор с плешивой головой, о Боже мой,
Поднял окровавленную руку...

Войдя в тамбур, он сунул руку в карман, нащупал тяжелый металл выкидного ножа. Поезд останавливался, и, не чувствуя своего тела, словно пребывая в невесомости, Серый прошмыгнул в последнее купе, глядя на сонное лицо паренька-бизнесмена, сдернул его заброшенный на третью полку свитер, сунул за пазуху. На это ушло две-три секунды, но лоб покрылся потом, словно он разгрузил вагон кирпича.

В проходе Серый наткнулся на сумку, которую так

никто и не поднял, и быстренько прихватил ее с собой. Вернулся в купе. Девушка напротив спала настолько сладко, что слегка приоткрыла рот. На ней были беленькие носочки, чистенькие, как ангельские крылышки. Модные сапоги стояли рядом. С каким удовольствием он надел бы ей их на ножки, но вместо этого он сунул сапоги в сумку, в которой и без того было полно всяких тряпок. Туда же поместился и свитер. Серый пошарил на дне сумки и добрался до чего-то стеклянного. По заводской пробке и тяжести бутылки он догадался, что это водка.

Но за наше счастье и покой, о Боже мой,
Буду бить легавых очень крепко,
Потому что воля дорога, ой, дорога,
А на воле вор бывает редко...

Широкозадая уже почти полностью заняла всю полку, и он сидел на самом кончике сиденья. Надо было поскорее рвать когти. И вдруг женщина завозилась и сухо спросила:

— Что за станция?

Сердце у Серого ушло в пятки, он сжался, как мышонок, но женщина не отступалась:

— Ярославль, что ли? Я вас спрашиваю...

— Сейчас посмотрю, — Серый шмыгнул в тамбур и выглянул на перрон. Проводница, слава Богу, сбивала намерзшие под туалетом нерабочего тамбура сосульки, но, увидев выходящего из вагона пассажира с большой сумкой в руках, подняла голову.

Холод стоял невыносимый. Не глядя на проводницу, Серый опрометью кинулся вдоль состава в сторону, противоположную вокзалу. В темноту ночи. Выбора у него не было: на вокзале его сразу повязали бы менты. А уж те знают, как раскрутить на полную катушку и пересадить из общего вагона в «столыпинский» с решетками на окнах.

Не чувствуя ног, бежал он меж каких-то складов, перелезал через заборы, петлял проходными дворами. Мороз, словно железной стружкой, нестерпимо обжигал лицо. От холода можно было задохнуться, и постоянные приступы кашля, казалось, вывернут легкие наизнанку. Но Серый бежал и твердил про себя слова старой воровской молитвы:

— О, Господи! Спаси меня грешного от порядка здешнего, от тюремных ключников, от стальных наручников, от этапа дальнего, от шмона капитального, от моря Охотского, от конвоя вологодского, от лесного повала, от комарино-го чесала, от работы физической, от морали политической, от пайки-недовеса, от хозяина-беса...

ОСЕНЬ В ГОРОДЕ

Осень подкралась тихо и неожиданно. Вроде еще вчера с календаря осыпался август, и вдруг резко похолодало. Выцветшее небо заволокло худой материей облаков. Улицы хлебнули грязи. И стало как-то погано-погано. И в городе. И на душе.

Тамара в старой болоньевой курточке и заправленных в резиновые сапоги рейтузах стояла на углу улицы Грибодова и 2-го Кривоколенного переулка.

В прошлом году здесь, как бородавка на лице, красовался сколоченный из досок коммерческий ларек, торговавший водкой. В этом году его сожгли. Обугленные доски бабки из соседних домов растаскали на дрова. Но место было бойким: рядом дореволюционный корпус фабрики технических тканей, железобетонное сооружение шарикоподшипникового завода, гастроном, Дом быта и самое главное — автобусная остановка. Народ с утра до вечера. И поэтому именно здесь получила постоянную прописку одна из выездных точек торгово-закупочного предприятия «Пингвин», где Тамара вот уже третий месяц работала продавцом.

С трудоустройством сейчас везде неважно. За копейки никто работать не хочет, а туда, где платят тысячи, берут лишь по большому знакомству. В «Пингвине» платили сдельно: сколько зарабатываешь — столько и получишь.

Ровно в восемь утра на угол прикатывает автофургон, грузчики быстренько скидывают ящики с помидорами или виноградом, вытаскивают разборный прилавок, допотопные весы, гири — и торгуй! Часа в три автофургон наведывается за нераспроданным товаром, а Фатима Сафиевна, некрасивая, с серым болезненным лицом татарка — главный бухгалтер «Пингвина», примет выручку и тут же, как говорится, не отходя от кассы, выдаст расчет.

Тамара посмотрела на часы: без пятнадцати восемь. Рановатенько она вышла сегодня на точку. Автолавка еще загружается на складе, и, пользуясь этим, Тамара отправилась в Дом быта, в туалет. День впереди долгий, а от товара не отойдешь, даже если приспичит. Хорошо еще как знакомые девчата с фабрики на обед пойдут — приглянут

за ящиками. Из этих соображений Тамара даже чай по утрам не пьет. До работы сухомятка, в обед — сухомятка, а вечером ей уже не до еды: от стоячего труда ноги, словно деревянные, впору на костылях передвигаться. И голова раскалывается, как от удара топором. Без папаверина не уснуть. Ну а если из гостей кто нагрянет да на всю ночь пьянка-гулянка завертится, то утром хоть режь — не встать. И годы уже дают себя знать: тридцать шесть — это уже не шестнадцать.

Вчера так и получилось. В шестом часу вечера неожиданно-негаданно Славка Ключевский с приятелем Коляном завалились, а неожиданный гость, как известно, хуже татарина.

С Ключом Тамара еще в одной школе училась. Разбитной был малый, разбитным и остался. Три судимости, две отсидки — и все за хулиганство. «По бакланке», — как он говорил, с гордостью показывая выколотый на плече финский нож и аббревиатуру БЕС, что означало: бей, если сможешь. Жена с сынишкой от него ушли сразу же, как только его посадили. Вернулся Ключ с зоны к престарелой матери, но во время его второй ходки та умерла, так и не дождавшись своего непутевого сына.

Вот тут Тамара и встретила его, грязного, опустившегося, спившегося. Пожалела, пустила переночевать. Свой-то мужик на другую позарился, ученую захотел, с высшим образованием. И ладно бы просто ушел, так два года через суд вещи делил. А тут и Славка объявился, выбрал момент, когда баба без мужика готова собакой выть. И пошло-поехало. Месяц нет, год, потом завалится, пропьет все, что есть, и снова пропадет.

Товарищ Славика столько выпивки из портфеля достал, что лошадь свалится: две бутылки «Пшеничной», пол-литра краснухи, пива. Оказывается, у него день рождения. Неприятный такой мужик, на пальцах перстни выколоты — одним словом, уголовник.

Славка и раньше, как выпьет, дурак-дураком делается, а тут совсем ошалел. В присутствии постороннего человека за колени хватает, под кофточку лезет и все шепчет: «Пошли в другую комнату». Деваться некуда — пошли. И вот тут он ошарашил:

— Колюку тоже хочется! Чего он, не мужик, что ли?.. Как брат он мне, чалились вместе, шконки в отряде рядом стояли, чуть ли не хавали из одной миски. Уважь другана!..

Тамара хоть и выпивши, но не до такой же степени, чтобы группенсексом заниматься. И мужик этот не в ее вкусе. А Славка не отстаёт:

— Чего ломаешься, как целка, если вскочит туда белка? — остроловил он. — Сделай человеку подарок на день рождения! Или только водку за чужой счет пить горазда?

— Сами наливали, никто не просил, — возмущалась Тамара. — И уж если выпитым попрекаешь, то деньги за выпивку я отдам. Но и вы, господа хорошие, выметайтесь подобру-поздорову. Спать я ложусь. Вставать рано...

Тамара уже и дверь им ногой открывала, да не тут-то было, не на тех нарвалась. Скрутили они ее, заломили руки за спину и изнасиловали по-лагерному, как мужика...

— Тамара Батьковна, где это вы прогуливаться изволите, понимаешь? — на углу 2-го Кривоколенного переуллка возле распахнутой дверцы автолавки уже стоял вечно улыбающийся Тофик Гаджиев — экспедитор «Пингвина». — Такие расчудесные томаты привез, что сам бы кушал, да!

— Мели, Емеля, твоя неделя, — беззлобно ответила Тамара, а сама подумала: может, рассказать Тофику о вчерашнем? Пусть поставит Славика на место! Хотя разве расскажешь ему все, ведь в «Пингвине» ее за порядочную считают. Спросила:

— Почему помидоры продавать?

— Это мы сейчас в накладной посмотрим. — Тофик достал из нагрудного кармана бумаги. — По триста пятьдесят. Пойдет, да? До двух дня продашь — и мы подъедем. Можем на «зеленую» взять. К Сафиевне на дачу. Шашлык делаем из барашка, понимаешь, «Ркацителю» с водкой пить.

— В честь какого праздника?

— Как в честь какого? — он задумался. — День осеннего равноденствия... Поедем — не пожалеешь!

— Придумал тоже, — улыбнулась Тамара. — День осеннего равноденствия. Такого и дня-то нет в календаре.

Автофургон укатил, а возле прилавка уже собирались дотошные до цен бабки-пенсионерки.

— Милая, скажи почему помидорки-то? — не выдержала самая любопытная.

— По триста пятьдесят. Сколько возьмешь? Кило, два?

Интересовавшаяся ценой старушка неопределенно пожевала губами, поправила платочек и отошла в сторону, обдумывая, делать ей покупку или погодить.

— Дорого, что ли? — спросила Тамара.

Она недолюбливала старух с тех самых пор, как уволилась из центра социальной поддержки престарелых. Два года за бабкой Волгиной ухаживала, варила, обстирывала, мыла, а когда ту парализовало, два месяца говно из-под

нее вытаскивала. Надеюсь, что та свою благоустроенную квартиру на нее подпишет. И приватизировать помогла, и деньги свои заплатила, чтобы поскорее договор оформили, а как откинула старая копыта, наследники, как тараканы, невесть откуда появились. Даже спасибо не сказали, будь они прокляты. И бабка Волгина пусть вместе с ними в гробу перевернется. Говорила, что нет у нее никого: «Сын помер, дочь в дурдоме». Все появились: и «покойники», и «помешанные» бабкино наследство делить.

— Мне килограммчик подвесьте, покрасивее.

— Бери, бабуля, больше, — подтрунивала Тамара. — Завтра дороже будут. Пожалеешь, что мало купила.

— Может, и побольше бы взяла, дак ведь на мою-то пенсию много не купишь.

— А сколько у тебя выходит?

— Дак двадцать четыре тысячи шестьсот, милая...

— Хорошо живешь. Мне за такие деньги месяц без выходных надо пахать...

— Вы бы лучше за стрелкой весов смотрели внимательно, а не советы давали, — заметил стоявший в очереди участник войны. — На рабочем месте находитесь...

Тамара чувствовала участников войны нутром и никогда не пререкалась: себе же дороже.

Помидоры расходились хорошо. Брали по два, а то и по три килограмма. И что самое удивительное: почти не было гнилья. Но вот краем зрения Тамара заметила, как какая-то расфуфыренная дамочка из очереди, с пренебрежением давя плоды наманикюренными ноготками, стала накладывать помидоры в полиэтиленовый пакет. Дурной пример заразителен: дай волю — весь товар истискают.

— Только не надо здесь выбирать! Здесь не рынок! Люди сзади не хуже вас стоят. Помидоры крепкие, ровные... Это я вам, гражданочка в розовой шляпке, говорю!

Услышав замечание в свой адрес, Розовая шляпка уставилась на Тамару, как коза на новые ворота.

— Ну что ты на меня так смотришь, словно я тебе рубль должна? — в подобных ситуациях Тамара сразу переходила на ты.

— Ты мне не тыч, не Иван Ильич, — не нашлась ответить ничего лучшего покупательница. — С твоей рожей в рыгаловке пивом торговать, а не в центре города красоваться!

— А с твоей, — заводилась Тамара, — сидеть в уборной и кричать «Занято»!

Постоять за себя она умела.

Товар разошелся быстро. В третьем часу дня она уже была дома, возле которого ее подждал Славка Ключевский.

— Привет! А выпить нет? — скорчив дурацкую рожу, оскалился он.

— Пошел ты на... — беззлобно, словно от назойливой мухи, отмахнулась Тамара, но Слава не уходил. Небритый, с распухшей нижней губой, которую ему уже успели где-то подбить, он стоял, покачиваясь на каблуках:

— Разве мадам не желает меня видеть?

Тамара не ответила, а про себя подумала: и чего связалась с этим уголовником? Сколько раз зарекалась его больше не пускать на порог, но всякому терпению приходит конец. Вчерашний день поставил точку.

— Вот именно, не желает! Или ты думаешь, что после вчерашнего я тебе на шею кинусь?

— А я желаю! — паясничал Слава. Он сделал неприличный жест рукой. — Как делегат из Нагасаки Хоцу Писи Хоцу Каки...

Он был навеселе, а Тамаре было не до шуток:

— По-хорошему говорю: уходи!

— По-хорошему, — передразнил он, сел на порог и запел: «Где ты был, Славущка?» — «Баб порол, бабушка!» — «Сколько смог, Славущка?» — «Сорок штук, бабушка!» — «Что так мало, Славущка?» — «Хер сломался, бабушка!», — он схватил Тамару за ногу, встал. Стойкий запах перегара и немытого телашибанул в нос. — Я не прощаюсь. И не дай Бог не застану вечером дома! На хор поставлю! Ты меня знаешь...

После ухода Ключа, чтобы как-то успокоиться, Тамара взялась гладить белье, но руки ни к чему не лежали. Включила телевизор, хотя и без него было тошно.

«Славка вряд ли уgomонится, — думала она. — Не тот человек. Горбатого только могила исправит. Надо что-то делать».

И Тамара решила идти в милицию, благо серое двухэтажное здание райотдела находилось совсем рядом с ее домом.

Рабочий день в райотделе еще не закончился: в коридоре можно было встретить и экипированных в бронежилеты омовцев, и милиционеров из патрульно-постовой службы с дубинками и наручниками на поясе, и оперов из отдела по борьбе с экономическими преступлениями в гражданской одежде: джинсах и кожаных куртках. Огромная служебно-розыскная собака, неожиданно ткнувшаяся намордником Тамаре в ноги, заставила ее вздрогнуть. Но сержант, де-

ржавший овчарку на поводке, крикнул псине: «Фу!», и она потащила его к выходу.

Казенная обстановка действовала угнетающе. Тамара почувствовала себя здесь лишней и уже собралась было уйти, но в это время ее окликнули:

— Что вы хотите, гражданочка? — толстый, затянутый портупеей дежурный по отделу старший лейтенант милиции пристально изучал ее своим колючим взглядом.

— Я хочу заявление написать, — испугалась своего голоса Тамара. — На одного уголовного... Может быть, знаете: Ключевский Вячеслав по кличке Ключ?

— И что же натворил этот ваш Ключик? — дежурный был человеком с юмором.

— Он-то?.. Изнасиловал меня...

— Тогда пишите заявление — разберемся, — посерьезнел старлей. — Вот бумага, авторучка.

— А как писать? — с наивностью первоклассницы спросила Тамара.

Ничего подобного ей писать в своей жизни не приходилось. Предложения получались нескладные, да и с грамотностью у нее были нелады, особенно со знаками препинания, все время боялась пропустить запятую или поставить лишнюю. Аж вспотела. Наконец поставила точку и протянула листок дежурному.

— Тэкс, — пробежал глазами написанное старлей и почесал затылок. — Заявление мы, конечно, регистрируем, а вам, гражданочка, придется пройти в прокуратуру. Это они расследованием таких дел занимаются.

Минут через двадцать Тамара уже сидела в просторном коридоре районной прокуратуры и с безразличием рассматривала узоры на обитых дерматином дверях кабинетов. Ромбы из шляпок от гвоздей выглядели неровно, а эмалевая пластинка с надписью «следователь» и вовсе была готова отвалиться.

Дверь оказалась запертой, а в приемной прокурора на вопрос Тамары, где найти следователя, рыженькая секретарша скороговоркой ответила:

— Сафронов — в изоляторе, а Лозенко — на трупе. Вам в какой кабинет сказали подойти?

— В четвертый.

— Это к Лозенко, — девушка тряхнула копной светлых волос и, отстучав на пишущей машинке несколько предложений, добавила. — Вы обождите в коридоре. Виктор Николаевич скоро придет.

Это «скоро» тянулось уже около часа, и, устав сидеть,

Тамара встала и подошла к окну, за которым бушевала непогода. Она уже пожалела, что написала заявление. Надо было обождать до вечера. Может быть, все и обошлось бы, а теперь сиди, жди у моря погоды. «Сафронов — в изоляторе, а Лозенко — на трупе».

— Девушка, может быть, у вас еще кто-нибудь здесь есть? — заглянула Тамара к светленькой секретарше, которая уже кончила печатать и подравнивала пилочкой ноготки.

— Прокурор в отпуске, зам на совещании в областной прокуратуре, — вспоминала секретарша. — Второй зам — в суде. Помощник прокурора должен быть здесь. Николай Гаврилович Тюленев. Загляните в седьмой кабинет.

Но заглянуть в седьмой кабинет не удалось. Помощник прокурора — грузный, килограммов под сто пятьдесят, мужчина предпенсионного возраста в это время как раз тяжело прошагал по коридору в туалет. Догонять его Тамара не стала.

Прикинув мысленно, с чего начать разговор, она посмотрела на дверь, за которой скрылся Тюленев, и стала ждать. Но вот забулькал сливной бачок, и в коридоре показался помощник прокурора. Тюленев чем-то смахивал на тюлена.

— Здравствуйте, Николай Гаврилович, — улыбнулась Тамара.

— Здравствуйте. Откуда вы меня знаете? Вас Маша прислала? Мария Яковлевна? — прокурор пропустил ее в кабинет. — С Марией Яковлевной мы старые друзья. Она звонила, сказала, что вы подойдете. Присаживайтесь.

— Извините, но вы меня с кем-то путаете, — смутилась Тамара. — Я по делу... Меня из райотдела направили...

— Разве? — выпятил губки помощник прокурора. — Тогда слушаю вас.

Зардевшись, как красна девица, Тамара рассказала о случившемся, но, как и в заявлении, промолчала о приятеле Ключа — Колюке.

— С таким вопросом вам бы лучше сразу к следователю обратиться. К Лозенко Виктору Николаевичу...

— Секретарша сказала, что он на трупе...

— И то верно. После обеда пришло сообщение, что в городском парке обнаружен труп женщины со следами насильственной смерти. А второй следователь — Сафронов?

— Он в изоляторе...

— Ах, да. Наверное, пошел предъявлять обвинительное

заклучение Новожилову. Есть тут у нас один особо опасный рецидивист с шестью судимостями.

Честно говоря, Тамаре было наплевать и на рецидивиста с шестью судимостями, и на труп в горпарке и вообще на всю районную, а заодно и областную прокуратуру. Ничего не добившись и лишь сожалея о потерянном времени, она тяжело вздохнула.

— Ладно, я завтра приду.

Из прокуратуры Тамара вышла как оплеванная. Одним разом наелась. Сколько еще сюда ходить теперь?

В половине девятого в дверь позвонили. «Ну, началось», — подумала она и настороженно спросила:

— Кто?

— Свои.

По голосу она узнала Ключевского.

— Чего надо?

— Лимонада! — огрызнулся Ключ. — Открывай, потолкуем за жизнь...

— В другой раз и в другом месте, — отрезала Тамара. — Я уже потолковала о твоих выходках с кем следует.

— Молодец! Ко мне уже приезжали из ментуры, — Славка нервничал. — Да открой ты! Предложение есть...

— Раньше надо было предложения делать.

— Лучше поздно, чем никогда.

Пришлось открывать. Славка стоял, как побитая собака. Колюк сзади.

— Короче: вот тебе сто кусков — только забери заявление из ментовки, — с ходу выпалил Ключ. — Не хватало еще по 117-й срок мотать. Хочешь, я перед тобой на колени встану? — Ключ встал на колени. — Заберешь?

— Где деньги?

— Вот, бери, сто тысяч.

— Мало... Давай двести!

— Что двести? — не понял Колюк.

— Двести тысяч, и сразу. Сегодня. Иначе завтра у меня разговор со следователем...

— Столько у нас нет, — доставая из кармана обернутые в целлофан тысячерублевки, испугался приятель. — Но завтра мы обязательно найдем. Вы мне верите?

— Не верю! — Тамара была непримиримой. — Любишь кататься — люби и саночки возить. Давай кольцо в залог!

— Как скажете, — тот снял с пальца золотое кольцо, которое все равно при его татуировках было ему ни к чему. — 96-я проба. Бабкино. Только не потеряйте!

— Не потеряю! И уговор: как заберу заявление — больше ко мне ни шагу!

— О чем речь.

Забрать поданное заявление назад оказалось делом не-легким.

— Ведь я уже зарегистрировал его, — отговаривал Та-мару все тот же старлей. — И помощник прокурора звонил, интересовался...

И все же он готов был уступить и говорил больше для приличия:

— Как нехорошо получается. Сначала приносите заяв-ление, потом забираете его. Ладно, Бог с вами, забирайте! Но больше так не шутите...

Ключ явился под утро.

— Забрала заявление? — спросил он.

— Забрала. А деньги принесли?

Вместо ответа Ключ резко ударил ее рукой в поддых. Тамара упала на пол. Удары сыпались со всех сторон. Ключ с Колюком умели бить без синяков.

— Слава, ты только лицо не задень, — суетился при-ятель. — Бей по почкам!

Кольцо и деньги они нашли без особого труда, в вазочке на серванте. Заодно прихватили и бутылку водки из холо-дильника. Видимо, решили обмыть благополучное заверше-ние своей операции.

СОДЕРЖАНИЕ

Такие дела	3
Кожаная курточка	13
Татьянин день	27
Спокойной ночи, господи	39
Осень в городе	45

Литературно-художественное издание

Гонозов Олег Сергеевич

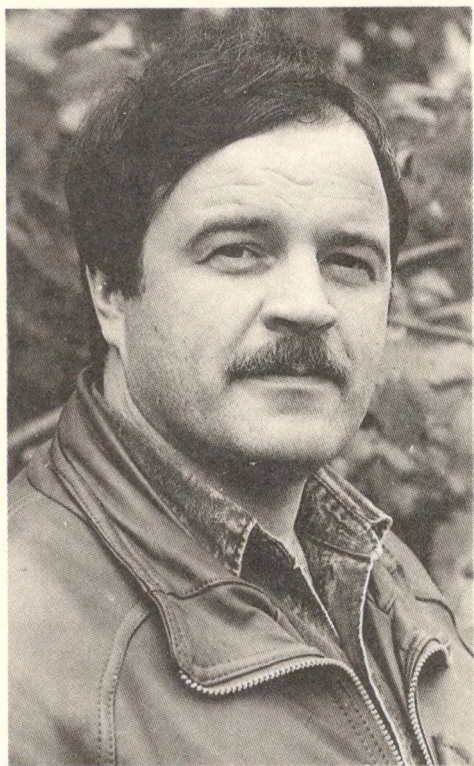
ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Авторское редактирование и оформление *Гонозов О. С.*
Технический редактор *Патрикеева Э. К.*
Корректоры *Нестерова Т. А., Лузгина Т. Д.*

ЛР № 030646 от 11.05.95.

Сдано в набор 28.02.96. Подписано в печать 26.03.96.
Формат 84×108/32. Бумага офс. № 1. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 3,0. Усл. п. л. 2,94.
Тираж 3000. Заказ 1037.

АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Рассказы Олега Гонозова печатались в коллективных сборниках Верхне-Волжского книжного издательства: «Берега» (1982), «Молодые ярославцы» (1988), «Откровенный разговор» (1990). В 1991 году вышел сборник рассказов «Судьбы на ветру». «Татьянин день» – вторая книга автора, работающего в жанре малой прозы.